

Он лежал на дне, позволяя карпам кружить вокруг, и не шевелился. Ткнул себя пальцем в щёку: почему тот человек, потряхивавший сосуд, выглядел так привлекательно? Тот человек знал, что это его слёзы, и улыбался ему! А когда улыбался, Цзин тут же вспоминал, как прошлой ночью тот с улыбкой раз за разом касался его губ своими!

Он тут же вынырнул.

Сам не понимая, что с ним происходит, он снова схватился за лицо и принялся яростно тереть щёки.

— Господин? — с берега его звала Нун Юэ, уже много раз, и наконец, не выдержав, воскликнула:

— Этот человек тебя обидел? Я прикончу его!

— Нельзя! — Цзин вынырнул и остановил её.

— Господин! — Нун Юэ наклонилась к нему. — Почему ты с утра в воде лежишь? Он тебя чем расстроил?

Цзин подплыл к берегу, прилёг на траву, задрал голову и, медленно покачав ею, сказал:

— Он меня не расстроил.

— Тогда что же?

Цзин улыбнулся, сорвал на берегу большой цветок, прикрыл им лицо, оттолкнулся и, лёжа на спине, отплыл обратно:

— Не скажу.

— Господин... — Нун Юэ было собралась допытываться, но подлетела Фанфэй и, смеясь, остановила её:

— Не спрашивай, не спрашивай!

— Но...

— Эх, да пусть господин радуется!

Нун Юэ чуяла, что Фанфэй что-то скрывает, но господин и впрямь не выглядел несчастным. Она подумала-подумала, ничего не придумала и в конце концов махнула рукой.

Они уже почти собрались. Если хотели успеть к столичным экзаменам и при этом ехать в повозке, пора было трогаться в путь.

Нун Юэ снова позвала Цзина, напомнив о сдаче на первого учёного, и наконец-то выманила его.

Цзину было неловко снова встречаться с Цзи Яном, и он велел Нун Юэ позвать того. Цзи Ян, услышав, что они и вправду собираются покинуть это место и отправиться в столицу, едва не прыгал от радости. Но он не смел радоваться прежде времени — пока ему не завязали глаза и двое духов не повели его за собой. В лицо ударила прохлада, рукава заколыхались.

— Прибыли, — почти мгновенно сообщили ему дүхи.

Дымка, закрывавшая глаза, рассеялась. Цзи Ян поспешно распахнул веки. Первым делом взглянул на небо — одно-единственное солнце! Не то что в том проклятом месте, где даже днём, кроме солнца, на небе висела ещё и любимая Цзином луна. В небе порхали самые обычные воробьи! Цзи Ян огляделся — это было то самое место, куда он бежал несколько дней назад.

Девятый принц был так тронут, что едва не разревелся, — он наконец-то вернулся в мир людей живым!

Ну, почти.

Даже когда высокородный принц пал так низко несколько дней назад, он и не думал пускать слезу. На лице его царило полное спокойствие.

Пережив внутренний восторг, Цзи Ян вдруг осознал: а почему он один?

Не то чтобы он сейчас уже успел привязаться к Цзину или полюбить его так, чтобы жить не мог без него. Просто стало как-то странно. Дух настаивал на свадьбе, раньше говорил, что поедет с ним в столицу сдавать экзамены, твердил это много раз. Характер у маленького духа Цзи Ян уже немного понимал — если сказал, значит, сделает. Куда же он подевался?

С утра, после необъяснимого побега, его больше не видели.

Цзи Ян поразмыслил и, кажется, понял: дүхи могут появляться только ночью. Тот дворец, где он был, — он до сих пор не знал, где это, — его день и ночь, наверное, всего лишь проделки Цзина. В настоящем мире людей дух не может стоять под солнечным светом.

Стало быть, все те слова — просто пустая болтовня Цзина?

Подумав так, Цзи Ян почувствовал лёгкую жалость к маленькому духу. Независимо от того, зачем тому понадобилось настаивать на свадьбе и представлять его учёным, ограбленным разбойниками, Цзи Ян видел: маленький дух очень тосковал по миру людей. Так тосковал, но не мог по-настоящему в нём оказаться, мог лишь поболтать.

Жалко его.

Маленький дух ещё и жизнь ему спас, никогда не желал ему зла. Он помнил, как тот оборотень-персик хотела ткнуть его веткой, а маленький дух остановил: не тронь, а то ему больно будет.

Редкостный, право, маленький дух попался.

В том проклятом месте одни дүхи, кроме того оборотня-персика, вряд ли кто ещё мог выбраться.

Значит, ему предстоит путь в одиночестве?

На душе у Цзи Яна стало легче — он ведь и не собирался возвращаться в столицу.

Отец вынес ему приговор, разорвал узы отца и сына, повелев отправиться в свои владения как подданный. Ему оставалось лишь ехать в свои земли; стоит вернуться в столицу — это будет нарушением императорского указа, что погубит и мать, и её род. Он уже придумал множество

способов, как обмануть маленького духа, а теперь вот и вовсе мог уйти один.

С облегчением смешалась и тень невыразимой грусти.

В конце концов, прошлой ночью он разделил ложе с маленьким духом. Тот был до крайности неумел, ничего не понимал, в полудрёме спрашивал: «Зачем ты губами мои губы трогаешь?» Перед сном обнял его и сказал: «Нравится, в следующий раз ещё».

Цзи Ян не верил, что те похожие на афродизиак штуки — дело рук маленького духа; откуда тому такое знать?

Значит, либо другие дүхи, либо тот оборотень-персик подстроили.

Теперь, вспоминая мягкие речи маленького духа, он чувствовал, как в груди что-то тает.

Цзи Ян ещё раз огляделся. Те, кто преследовал его, наверное, давно ушли. На земле не осталось следов крови, не было и персиковой рощи.

Он посмотрел вокруг и заметил в траве высокий дорожный указатель.

Вот же он! Он поспешил к нему и, приглядевшись, понял: это не указатель, а надгробие!

Цзи Ян наклонился, чтобы разобрать надпись, но на камне не было ни единого иероглифа.

Этот безмолвный камень почему-то вызывал в нём странную нежность. Он протянул руку, потрогал его, вспомнив, что это была последняя вещь, к которой он прикоснулся перед тем, как потерять сознание. Опять надгробие... Может, оно как-то связано с маленьким духом?

Цзи Ян ещё несколько раз погладил камень, размышляя про себя: «Ладно, ладно, люди и дүхи в конце концов идут разными путями. Благодарю за спасение жизни. Когда-нибудь, возвращаясь в столицу, я навещу тебя. Взойдя на престол, посажу здесь персиковую рощу, а в своём дворе — гибискусы. Прощай».

Сказав это, Цзи Ян приложил к камню и вторую руку.

Закончив, пора было идти, но нежелание расставаться лишь усилилось. Рука даже не хотела отрываться, и в этот миг надгробие вдруг исчезло!

Цзи Ян остолбенел, как вдруг услышал за спиной:

— Что разглядываешь, супруг?

Цзи Ян обернулся. Позади возник целый караван с повозками и множеством слуг, мужчин и женщин.

Та самая оборотень-персик, что любила угрожать ему веткой, стояла у первой повозки с лучезарной улыбкой. В волосах у неё была воткнута персиковая ветвь, с кончика которой осыпались лепестки, устилая землю.

Лепестки кружились и вокруг повозки, занавеска на окне трепетала вместе с ними.

Из окна медленно высунулось пол-лица и один глаз. Этот глаз подмигнул ему и тут же спрятался.

Почему-то Цзи Ян почувствовал в душе огромное облегчение.

Оборотень-персик смотрела на него и, что редкость, не протягивала когтистых лап с угрозой. Лепестки по-прежнему кружились, картина была мирной и прекрасной.

Занавеска снова заколыхалась. На этот раз высунулись два глаза.

Цзин выставил наружу полголовы, скосив её, снова подмигнул и тихо спросил:

— Муж, разве не едем?

— Едем.

Цзи Ян шагнул по лепесткам и неспешно направился к нему.

Авторское примечание: Отправляемся в путь, начинается наша роскошная свободная прогулка по миру людей!

Но Цзин не позволил ему сесть в повозку. Мало того — даже дверь не открыл.

После долгих уговоров дверь всё же приоткрыли, но разговаривать позволили лишь через занавеску. Девятый принц устроился на облучке, будто возница, и поспешил объяснить Цзину, что в столицу они не поедут.

Цзин, разумеется, изумился и спросил почему.

Цзи Ян уже приготовил отговорку:

— Раз уж поженились, надо представить тебя родителям.

— Но тебе же экзамены сдавать!

Какой ещё экзамен?! Будь он даже простым учёным и захоти он ради маленького духа выдержать экзамен и стать первым, — он не мог этого сделать. Учёба — нелёгкое дело, многие седеют, готовясь к испытаниям; как же он посмеет отнимать эту возможность у народа?

Но на лице Цзи Яна царило спокойствие, и он даже улыбался:

— Экзамены недостаточно представить тебя родителям.

Услышав это, Цзин схватился за щёки и оглянулся на Фанфэй.

Как же ему понравились эти слова! Ни в одной книге ни один учёный не осмеливался на такое! Лишь после многих лет брака решались привести домой жену-духа, а некоторые так и умирали, не решившись!

Но в книгах учёные очень заботились о славе и карьере. Как же он может из-за своих желаний мешать мужу отправиться на экзамены? Цзин с праведным видом покачал головой:

— Нет уж, слава и карьера мужа важнее!

Цзи Ян провёл рукой по лицу и продолжил улыбаться:

— Ни слава, ни карьера не стоят тебя.

«...» Цзин зачарованно заморгал, глядя на Фанфэй. Как же ему ответить?! Эти слова так тронули его сердце! Научи скорее!

<http://bllate.org/book/15942/1425065>